

УДК 929.7(47) + 94(47)“17” + 316.343.32 + 323.31

К. Д. Бугров

**«КАМЕНЬ, СЛУЖАЩИЙ ОСНОВАНИЕМ ГОСУДАРСТВУ»:
МОНАРХИЧЕСКАЯ ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ
И ОСОБЫЙ СТАТУС ДВОРЯНСТВА
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ XVIII В. ***

В статье рассматривается вопрос о наделении российского дворянства XVIII в. исключительным социальным статусом в контексте изменения представлений российской элиты о государстве и обществе. Адаптация европейского глоссария форм правления сформировала в XVIII в. секулярную перспективу, в которой мощь государства определялась набором социальных факторов. В данной связи ключевым аргументом в пользу исключительного статуса дворянства с середины XVIII в. стал вклад данной социальной группы в поддержание могущества монархии — дворянское «усердие» в службе на «общее благо». При этом анализ дебатов в Уложенной комиссии 1767–1768 гг. позволяет утверждать, что трансформация представлений о роли и месте дворянства в государстве коснулась относительно узкого слоя административно-придворной элиты. Таким образом, наделение дворянства исключительным статусом оказалось не итогом давления со стороны консолидированного дворянства, но результатом изменений в представлениях российской элиты о роли и месте дворянства в Российской империи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: монархия; Уложенная комиссия; дворянство; форма правления; общее благо.

Вопрос о статусе дворянства в России XVIII в. относится к числу дискуссионных вопросов в историографии страны. Не претендуя на абсолютную полноту обзора, отметим, что существуют два основных подхода к проблеме. Первый предполагает, что создание дворянской корпорации было результатом целенаправленной политики государства, представляющего как настоящий социальный демиург, а второй — что, напротив, дворянство XVIII в. боролось за корпоративные права и добилося от государства уступок.

Так, М. Раефф — автор влиятельной концепции «хорошо упорядоченного полицейского государства» (well-ordered policestate) применительно к истории России — отмечал: «Что касается дворянства, то, хотя его члены постепенно получали все большую степень автономии и защиты личности и собственности после смерти царя-реформатора, они также не могли превозмочь ограничения своих связей с государством. Недостатки такого положения дел для процесса модернизации стали очевидны для российских элит к середине XVIII в. Поэтому правительство Екатерины II попыталось с помощью законодательства поддержать процесс формирования подлинных сословий в России» [Raeff,

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., соглашение №14. А18.21.0691 «Права, обязанности и статус дворянства в государственной политике, социальных представлениях и концепциях историко-политической мысли России XVIII в.».

р. 121–122]. Раефф стремился доказать, что чрезмерная правительственная опека подрывала собственные усилия российской власти по созданию автономных сословно-корпоративных организаций. Однако в значительной степени такой подход связан со старой объективистской, «государственной», историко-юридической школой XIX — начала XX вв., предполагавшей, что государство, будучи основным актором российской истории, закрепощало и раскрепощало сословия по особой государственной потребности.

Альтернативный взгляд (признание уступок дворянству со стороны государства) был доминирующим в советское время, но и сегодня сохраняет мощные позиции, даже среди тех историков, которые не опираются на марксистскую методологию. Так, И. В. Фаизова отмечает по поводу манифеста 1762 г.: «Непоследовательность законодательной политики по сокращению сроков службы подтверждает, что появление манифеста было вынужденной уступкой и свидетельствовало об остроте противоречий между дворянством и монархией по поводу обязательной службы» [Фаизова, с. 42]. К аналогичным выводам приходит и С. В. Польской, расценивая продворянское законодательство второй половины XVIII в. именно как «уступку»: «Показательно, что Манифест 18 февраля 1762 года, неизменно интерпретировавший юридической школой историографии как часть государственной политики “эмансипации сословий” сверху, в действительности оказался значимой уступкой государственной власти дворянскому “обществу”» [Польской, с. 26]. Модель «уступок» настолько сильна, что ее парадоксальным образом использовал даже Р. Пайпс, который одновременно и вовсе отказывал российскому дворянству в звании «политического класса»: «Большую часть времени русское дворянство делало, что ему велели. Оно использовало завоеванные у Петра III и Екатерины II вольности не для приобретения политических прав, а для упрочения своих экономических и социальных привилегий» [Пайпс, с. 226].

Перспективной альтернативой жесткому противопоставлению, кратко охарактеризованному выше, является анализ дворянского законодательства как мотивационной стратегии, выработывавшейся в ходе многосторонней коммуникации в среде правящей элиты [Марасинова, 2008]. Поэтому в настоящей статье проблема дворянского статуса в России XVIII в. рассматривается как вопрос *политического языка*, а не политических либо юридических институтов. Под политическим языком в данном случае понимается не только набор концептуальных средств, но и конкретные пути их применения в практической коммуникации (системы аргументов).

Следствием стремительной вестернизации России рубежа XVII–XVIII вв. стало знакомство российских элит с огромным массивом новых текстов, ранее остававшихся за пределами доминировавшей в Московском государстве интеллектуальной традиции. Представления о государстве подверглись глубоким трансформациям; проявлением этого стало, в частности, использование российской элитой глоссария «форм правления». Ортодоксальная имманентность московского «Нового Израиля» и «Третьего Рима» оказалась заменена

аристотелевскими категориями, открывавшими компаративную перспективу¹. Переосмысляя историческую традицию Московского государства на фоне кризиса 1730 г., сторонники самодержавия Анны Иоанновны — архиепископ Феофан (Прокопович) и В. Н. Татищев — говорили об истории России как об истории монархической «формы правления», принесшей стране процветание и славу.

Кризисы в отечественной истории — распад Киевского государства и Смутное время — расценивались теперь сквозь призму изменения «формы правления» на аристократическую, неприемлемую для такой страны, как Россия [Феофан Прокопович, 1765, с. 192–208; 1961, с. 40–42; Татищев, 1962, с. 362, 366–367]. «Аристократия, т. е. вельмож или сильных правительство» [Татищев, с. 362], по определению Татищева, не годится для России, что доказывается катастрофическим падением обороноспособности и разрушительными вторжениями иноземцев (монголов — в первом, поляков, литовцев и шведов — во втором случае).

Таким образом, Российская империя — это частный случай монархии вообще; существование российской монархии имеет рациональные, секулярные причины (например, обширность пространства империи) и зависит от комбинаций социальных факторов. Именно монархия способна эффективно достигать «общего блага», управляя огромным пространством, выигрывая войны и утверждая российскую славу на «всемирном феатре». Как справедливо отмечает М. А. Киселев, процесс адаптации глоссария «форм правления» на российской почве привел к тому, что во время политического кризиса 1730 г. часть российской элиты отождествила притязания «фамильных» (кланов Долгоруких и Голицыных) с аристократической формой правления [Киселев, с. 52]. Исторический анализ, предпринимавшийся с помощью глоссария «форм правления», указывал на гибельность аристократической формы правления для России. Возникшая в XVIII в. секулярная парадигма российского монархизма использовала в качестве ключевого критерия не божественную благодать (реализуемую, в частности, через царствование сакральной династии «Августа кесаря корня»), но эффективность «формы правления», нацеленной на «общее благо».

Идентификация России как «монархии» имела ряд важных последствий. Глоссарий «форм правления» опирается на классификацию социальных элементов и присущих им характеристик. Напомним: классификация Аристотеля предполагала, что управлять городом может «один» («монархия»), «немногие» (имеются в виду «немногие наилучшие», *aristoi* или, в римских категориях, *optimati*) либо «все» («народ», *demos*); эта классификация пережила столетия, оказала громадное влияние на сословную картину общества (в частности, средневековая Европа трансформировала античных *aristoi* в «благородное

¹ Речь, конечно же, не идет о какой-то «доктрине»; говоря об Аристотеле и «аристотелианизме», я имею в виду определенную манеру рассуждать о политике — секулярную политическую философию, опирающуюся на компаративизм и классификацию. Аристотель по справедливости может считаться основополагающей фигурой в истории концепта «формы правления», хотя, строго говоря, сама эта классификация была позаимствована им у Платона.

сословие» феодальной знати) и оставалась фундаментом политического мышления и в XVIII в. [Россок, р. 49–82].

Использование «тройной» классификации как действенного интеллектуального инструмента означало и потребность в осмыслении отмеченных выше социальных категорий классификации. Аристотелианские категории, задуманные как универсальные (в силу компаративного подхода) и поэтому простые, плохо согласовывались с московской традицией дробного и запутанного социального деления: «А на соборе были... митрополиты и архиепискупы, и епискупы, и архимариты, и игумены, и протопопы и весь освященный собор и бояре, и околничие, и чашники, и столники, и стряпчие, и думные дворяне и дияки, и жилцы, и дворяне болшие, и дворяне ис городов, и головы стрелетцкие, и всякие приказные и дворовые люди, и гости, и сотники стрелетцкие, и атаманы казачьи, и стрелцы и казаки, и торговые и посадцкие, и всяких чинов всякие служилые и жилетцкие люди» [Утвержденная грамота, с. 74]. Что еще более важно, тройственная классификация открывала европейским авторам путь к концепции «смешанной конституции», в которой существует баланс всех трех элементов [Koenigsberger; Gromelski]. Однако подобная *monarchia mixta* была для религиозного иерархизма Московского государства чужеродной.

Наконец, адаптация глоссария «форм правления» и концепта «общего блага» предполагала акцент не только на хорошо известных московской традиции качествах правителя [Антонов], но и на качествах подданных, чья «усердная ревность» позволяет добиваться государственных целей и задач. К примеру, в отличие от Феофана, связывавшего избавление России от бед с божественным вмешательством, В. Н. Татищев считал «шляхетство» активной действующей силой, спасшей монархию от попытки верховников ввести «аристократию». Между дворянством и монархом, таким образом, существует рациональная связь, важная для государства. Около 1743 г. Татищев писал, связывая между собой привилегии единого российского дворянства и процветание монархии:

У нас преимуществ и должностей всех, так как воинских, не описано; а хотя изданы губернской и воеводской наказ, и паки в уставе военном о преимуществе и должностях губернатора и коменданта описано, — только все во многом не ясно и не достаточно. Сия разность чинов временная, но другая есть пребывающая и наследственная, яко шляхетство, гражданство и подлость; а негде четвертое счисляют — духовенство. У нас хотя в Уложении неколико шляхетство от прочих отменено, токмо без основания, не достаточно и не ясно. Для того у нас всяк, кто только похочет, честь шляхетскую похисчает. О пресечении сего великого беспорядка и оскорблении, — тем преимущества государя видится забыто [Татищев, 1950, с. 202–203].

На этом пути происходило переосмысление дворянской «службы» как гражданской «добродетели». Дворянство (понимаемое теперь как единая, тяготеющая к замкнутости социальная группа) участвует в управлении Империей на основании не только своей приближенности к государю, но и собственных достоинств, находящихся в подобном участии единственное адекватное выражение

и, одновременно, гарантирующих милостивое внимание государя. Это не бюрократы хорошо организованного *Polizeistaat*, а скорее доблестные *aristoi*, для которых служба из «тягла» превратилась в «добродетель» (но не в «профессию»), мотивированную публичным признанием и милостью государя (но не эффективностью *perse*). Если от «усердия» представителей этого социального слоя теперь зависела мощь монархии, то и их привилегии теперь могли рассматриваться как следствие оказываемых (в том числе — оказанных предками) государю услуг. И если в 1730 г. «аристократия» ассоциировалась с притязаниями «фамильных» и была угрозой для монархии, то начиная с середины XVIII в. единое дворянство начинает рассматриваться как своеобразный «аристократический» элемент, поддерживающий монархию и ни в коей мере не умаляющий абсолютной власти государя: определенные элементы *monarchia mixta* возникают в российской политической мысли.

Именно такой взгляд на место дворянства в империи акцентируется в основополагающих актах второй половины XVIII в. — Манифесте о вольности дворянской 1762 г. и Жалованной грамоте 1785 г. Так, Петр III своим манифестом 1762 г. признавал дворянскую «вольность» безусловной, одновременно считая ее итогом достижения российским дворянством того уровня сознательности, при котором «вольность» больше не угрожает интересам государственной службы [Манифест]. В аналогичном ключе следовали рассуждения членов Комиссии о вольности дворянской, рассматривавшей вопрос о «конфирмации» упомянутого манифеста уже при Екатерине II [Омельченко, с. 94–117].

По мнению членов Комиссии, Петр I, когда «не доставало в дворянстве Российском склонности к службе, — учредил он законы, дабы и не в дворянстве рожденные службою достигали того имени своими достоинствами <...> Таким образом, перерождая он нравы, видимо, что ни о чем ином не помышлял, как вкоренить в дворянство своего государства дух честолюбия и тем довести его до склонности к службе и до усердия к общей отечества пользе. <...> Армия ныне Вашего Императорского Величества страшною и победоносною учинилась. Дворянство любочестием столь много уже движется, что нет ни малого сомнения, чтобы просвещение увидевшие дворяне, или уже и родившиеся в том, обратились к прежнему нерадению о службе, но всяк сам старается сына своего им сродника в оную вместить, так что едва ли и места довольно желающим службы остается» [Куломзин, с. 40]. Комиссия особо указывала на то, что лифляндское дворянство уже давно пользуется в Российской империи правом «вольности», и — более того — пользовалось таким правом и «при прежних своих самодержавных шведских королях».

Вскоре такой подход сменился еще более радикальным — признанием безусловной «вольности» дворянства на основании его выдающихся заслуг перед монархией. Подобная концепция была представлена в «Наказе» Екатерины II с его знаменитым определением «дворянства» как «нарицания в чести» и развита в «Проекте права дворянам» Комиссии о государственных родах, рассматривавшемся в Уложенной комиссии [Проект правам благородных], а также в Жалованной грамоте 1785 г.

Екатерининская Жалованная грамота полностью отказывается от противопоставления «петровского» (пассивного и несознательного) и «современного» (активного и честолюбивого) дворянства, исчисляя историю дворянского «усердия» уже не десятками, а сотнями лет: «Начальников и предводителей таковых (победоносных. — *К. Б.*) Россия чрез течение осьми сот лет от времени своего основания находила посред своих сынов, наипаче же во всякое время свойственно было, есть, да помощью божиею и пребудет вечно российскому дворянству отличаться качествами, блистающими к начальству» [Грамота на права, вольности и преимущества].

Таким образом, риторическая стратегия, основывавшаяся на признании ключевого вклада дворянства в процветание Империи, сделалась важнейшим элементом обоснования исключительного статуса дворянства в законодательных актах второй половины XVIII в. При этом базовые принципы оценки роли дворянства как служилого сословия оставались неизменными, и в данной связи необходимо согласиться с Е. Н. Марасиновой, отмечающей: «Терминологические сопоставления документов дворянского законодательства обнаруживают поразительную стабильность идеологической составляющей политики власти в отношении господствующего класса» [Марасинова, 2007, с. 30]. Вместе с тем трансформации «социального воображения» российских элит меняли и взгляды на дворянскую службу, каковая — оставаясь основой правительственной политики — теперь рассматривалась как исключительная по своей важности и предполагала милостивую благодарность со стороны императора.

Была ли переоценка роли дворянства в государстве как группы «немногих», помогающих «одному» в управлении державой, характерна для широких слоев дворянства или же она произошла в среде узкого слоя придворно-административной элиты? Мы рассмотрим этот вопрос на примере анализа дворянских наказов в екатерининскую Уложенную комиссию 1767–1768 гг. и последовавшей полемики о «правах благородных».

Целый ряд дворянских наказов акцентировал особую роль дворянства и связывал действующие и грядущие милости императрицы с выдающимися дворянскими заслугами в точном соответствии с новациями, рассмотренными в первой части статьи. Так, в наказе дворянства Московского уезда своему депутату, генералу П. И. Панину, отмечалось: «...В разсуждении общих всего Российскаго дворянства нужд, приводя себе на память, что оное издревле, яко корпус составляющий с одной стороны силу, оборону и независимость государства, следовательно же и твердость правления государей своих, а с другой, заключающий собственные свои преимущества и безопасность, в целости и непоколебимости державы их, отдавало всегда учреждение и сохранение оных по натуральному сему взаимству в полную волю и благое произволение самодержцев своих». Московские дворяне выражали уверенность в том, что «великий ея (Екатерины II. — *К. Б.*) дух, объемлющий в истинном предмете общенародной пользы все то, что дворянству в общей связи государственной системы нужно, пристойно и выгодно быть может, сам по себе склонен будет не только исполнить, но и превзойти еще меру справедливых желаний» [I. Наказ Московского

дворянства, с. 226–227]. Словно бы в подкрепление этих рассуждений, в наказе московского дворянства очень пространно отмечались выдающиеся личные заслуги генерала П. И. Панина [Там же, с. 234].

В наказе ярославских дворян депутату князю М. М. Щербатову благородное сословие характеризовалось как «общество, которое в толиких случаях древних времен и недавно минувших, яко во время общих безпокойств в империи Российской, в бывших войнах для сохранения монарших интересов и расширения пространства Российской империи с пролитием своей крови и крайняго ущерба имений услуги свои показало, и милости, а равно и удовольствие от своих монархов заслужило; но предков наших и наша пролитая кровь и убытки тем довольно награждены, что имели честь служить отечеству своему, споспешествовать его славе и сделать угодное своим государям. Ныне же то милосердное повеление Ея Императорскаго Величества... не токмо превосходит достойных награждений за все то, но и с пролитием всей нашей крови довольнаго заплатить не может» [XI. Наказ Ярославского уезда, с. 297–298]. Эта преамбула была повторена и в наказе любимского дворянства депутату Н. Толмачеву [X. Наказ купно со всеподданнейшими от Любимского дворянства, с. 296].

Куда более лаконичный наказ волоколамского дворянства (депутатом от которого был З. Г. Чернышев, еще один видный сановник при екатерининском дворе) также обращался к дворянской верности монарху, обосновывая предлагаемые дворянские привилегии их необходимостью «для сохранения дворянского достоинства, которое во все времена, оказывая к своим государям и отечеству верность, не щадило жизни и имения и посвящало все оное службе» [III. Наказ выбранному от корпуса дворянства Волоколамского уезда, с. 242].

Упомянутые выше наказания довольно резко выделяются на общем фоне, что, впрочем, неудивительно: они связаны с такими видными фигурами российской общественной жизни, как М. М. Щербатов, П. И. Панин, З. Г. Чернышев. Однако, например, и в наказе рыльского дворянства депутату Л. Е. Ширкову, констатировалось: «...И как дворянство — камень, служащий основанием государству, то тем самым и заслуживает высочайшую Ея Императорскаго Величества высокоматернюю к нам милость» [CXLI. Наказ Рыльского дворянства, с. 622].

В свою очередь, и болховские дворяне в наказе своему депутату П. В. Хитрову в первом же пункте объявляли: «Чтоб корпус дворянства, котораго вся слава и честь в том единственно состоит, чтоб жертвовать себя в службе Ея Императорскаго Величества, отделить правами и преимуществами от прочих разного рода и звания людей; равным образом и имение его утвердить таким крепким и надежным средством, чтоб всякий дворянин собственным своим имением мог спокойно и непоколебимо владеть» [CXXX. Наказ Болховского дворянства, с. 493]. Этот наказ (как, впрочем, и ряд других) заканчивался предложением воздвигнуть императрице «монумент от всего государства» и коллективным обязательством болховского дворянства «подлежащую препорцию поднести». Наконец, наказ харьковского дворянства ссылался на «вернейшие и непоколебимыя и кровопролитныя службы» предков, которые «из усерднейшей к самодержавному престолу российскому верности не оставляя заселяемых ими

земель, границу от татарских набегов, не щадя последняя капли крови своей, защищали и во многих походах все те храбро оказывали службы, коих только от верноподданнейших Вашего Императорского Величества войск слава, верность и присяга требуют» [CVII. Наказ Харьковского дворянства, с. 262–263].

Вопрос о взаимной связи дворянства с монархией оказался одним из центральных в дебатах и подававшихся депутатами «мнениях». Аргументы в пользу особого положения дворянства для государства и «общего блага» приводил уже упомянутый М. М. Щербатов. Согласно его «мнению», дворяне получили имения «за награждение, что от ига Татарскаго Россию свободили, что всегда нерушимую верность сохраняли, что запечатлели свое усердие к своим монархам во время бунтов ругательными и мучительными смертями, что многия провинции России приобрели. <...> Скажите, почтенные депутаты, скажите, вы слышали от отцов своих, коликия заслуги корпус дворянский всей России оказал? еще во многих у вас местах видны развалины разрушенных храмов, запустошенные селения от ярости иноверцев! кто Вам православную веру сохранил? кто от ига и мучительства варвар и чужеземцев вас избавил, если то не дворяне?» [№ 58. Мнение Щербатова, с. 489–490]. Равным образом и депутат от Лубенского полка Г. А. Полетика в своем мнении о проекте «правам благородных» отмечал: «Получение дворянства в тех только государствах стараются труднейшим делать, где дворян чрезвычайно умножилось, по пространству же Российской Империи, мне кажется, их еще очень немного <...> опытами же доказано, что те монархии сильнее и безопаснее, которые по мере пространства своего имеют довольное число дворян, потому что сей род людей есть первая и сильнейшая подпора престолу» [№ 36. Мнение Гр. Полетики, с. 347].

Впрочем, риторическую стратегию, предполагавшую связь между усердием подданных и процветанием монархии, использовали и противники исключительного положения дворян. Щербатову возражал архангелогородский депутат от черносошных крестьян И. Чупров: «Правда, что заслуга и завсегда признается за справедливое, и честь дворянская за достоверно почитается, да однакоже и всякаго звания люди во всем государстве не без порученных дел остаются: за кем какая должность состоит, чаю, по возможности своей и все отправляют» [№ 61. Мнение Чупрова, с. 504]. Я. П. Козельский, депутат от Днепровского полка и брат известного переводчика и мыслителя Я. П. Козельского [Качарава, с. 95–97], считал власть помещиков над крестьянами ограниченной по своей сути и вновь подчеркивал равенство подданных в своих обязанностях по отношению к правителю: «Если бы кто из помещиков был столько прихотлив, который бы желал владеть подданными своими безпредельно, тот, по справедливости сказать можно, пожелает сверх принадлежащего ему преимущества, ибо и сама верховная власть, по самодержавию своему, от всех подданных не требует более определенной всякой службы, кроме на содержание необходимой войны; но и та бывает для возстановления общаго же благоденствия и для утверждения постоянного мира и всенародной тишины» [№ 60. Мнение Козельского, с. 500]. Наконец, депутат от козловского дворянства Г. Коробьин считал, что «тогда только процветает или в силе находится общество, когда составляющие оно»

члены все довольны: от сего их спокойствие, от сего и дух, к защищению своего отечества распалющийся, происходит» [№ 28. Мнение Коробьина, с. 407], и на этом основании считал освобождение крестьян полезным.

Ряд дворянских депутатов поддержали мнение М. М. Щербатова, используя риторику «общего блага» и указывая на связь между дворянским потомственным «усердием» и могуществом монархии. Так, депутат от Тамбовской провинции С. Лопухин соглашался с доводами М. М. Щербатова и критиковал Г. Коробьина: «Уменьшение власти во оном дворян произведет разрушение тех оснований, на которых утвердись, отечество наше достигло столь вышней степени славы и благоденствия, в каковых ныне весь свет его видит. <...> Чем Российское войско в военные времена храброе имя себе получило, как не чрез врожденную послушность во всяком подданном, соединенную с доброю дисциплиной, при том и искусством в предводительстве Российскими дворянами, из коих знаменитейшие тем и вперили столь высокое об отечестве своем мнение по всей Европе?» По мнению Лопухина, «жалости достойно, если столь знатный, заслуженный и любви отечества достойный корпус дворян за малое число непорядочных со товарищей своих <...> стеснен законами будет» [№ 64. Мнение Лопухина, с. 511, 513]. Депутат от муромского дворянства И. Чаадаев добавлял: «Если же услуги онаго (дворянства. — К. Б.) и польза, приносимая отечеству, не столь важны, сколь полезно сие законодательство для той части земледельцев, коими предки их награждены за верную службу отчеству, то разсмотрим, однако, цветущее состояние благоденствующих земледельцев под покровительством добрых помещиков» [№ 63. Мнение Чаадаева, с. 509].

В то же время, большинство дворянских наказов депутатам оставались в рамках традиционных представлений, указывая на тяготы жизни и прося сохранить за дворянством его привилегии, главным образом — экономические. Такие наказания изобиловали изощренными в формулировках благодарностями по адресу «Ея Величества матернего милосердия» и «благоутробия»; в этом отношении всех, кажется, превзошли авторы наказа прилуцкого дворянства, рассыпавшиеся в льстивых благодарностях, редких даже для екатерининской России [СIV. Наказ Прилуцкого дворянства, с. 231]. Часто обращения к государыне сопровождалось жалобами на тяготы жизни, общее неустройство и собственное ничтожество дворян, уповавших только на заботу своей государыни. Например, составители уже упомянутого наказа рыльского дворянства сокрушались: «Да и то, что мы вообще не так время свое провожаем, как бы пристало, правосудие своего действия не имеет, малопоместное дворянство от великопоместных утесняется, подлородные, происком обогатясь, купя деревни, смешались с старым дворянством, — словом сказать, что не так живем, как благородному дворянству прилично» [СXLII. Наказ Рыльского дворянства, с. 621].

Требования смертной казни и жестоких телесных наказаний, жалобы на «судебную волокиту» и «ябеда», учреждение школ, армейские постои и, конечно, винокурная привилегия — именно эти проблемы в подавляющем большинстве случаев волновали составителей дворянских наказов. Так, дворянство Алаторской провинции Нижегородской губернии было озабочено тем,

чтобы «в лесах заповеднаго дубоваго лесу валежник старой и вновь будущий, поломанный от ветров, брать позволить» [XCIV. Наказ Алаторского дворянства, с. 114]. Трубчевских дворян заботил «казенный лес, называемый Мирин», в котором «некоторые смежные дворяне» вместе с «дворцовыми крестьянами» самовольно «расчистили многия места на пашню и сенокосы»; вопросу о лесе была посвящена почти треть трубчевского наказа [СXXXV. Наказ Трубчевского дворянства, с. 558–560]. Керенские дворяне лаконично констатировали: «Дворянству своих людей и крестьян содержать на прежнем основании в своей власти и полномочии, не ограничивая их преимуществ и полномочия, ибо Российской Империи народ сравнения не имеет в качествах с европейскими» [СXXXII. Наказ Керенского дворянства, с. 443]. Примеры можно умножать, однако мы сошлемся на выводы В. М. Никоновой, проведшей контент-анализ дворянских требований: «Ведущее место в требованиях дворян принадлежало вопросам, связанным с реорганизацией суда и судопроизводства и с укреплением всей системы местного управления <...> В комплекс требований, объединенных данной категорией, входят: пресечение крестьянских побегов и разбоев, проблемы наследственных прав и Вотчинной коллегии, связанные с совершенствованием законодательства о наследовании» [Никонова, с. 12]. Как видим, провинциальное дворянство было в наибольшей степени озабочено повышением качества работы судебно-административного аппарата, а не переосмыслением своего статуса в системе империи — переосмыслением, которое неизбежно влекло за собой новые обязанности дворян в дополнение к тем проблемам, на которые жаловались составители дворянских наказов.

Наказы дворянских депутатов и прения в Уложенной комиссии демонстрируют: новый социально-политический глоссарий, связывавший дворянские привилегии с особым вкладом дворян в могущество и процветание монархии, оставался достоянием относительно узкого круга правящей и интеллектуальной элиты: скорее всего, указы тех уездов, которые представляли П. И. Панин, М. М. Щербатов или З. Г. Чернышев, составляли — или, по крайней мере, редактировали — сами депутаты, имевшие опыт государственной работы или незаурядные интеллектуальные способности. Большинство же дворян расценивало привилегии и права как великую монаршую милость к своим недостойным «рабам». Однако управление Российской империей находилось в руках именно того слоя, который оказался в максимальной степени восприимчив к инновациям и который ко второй половине XVIII в. стал расценивать дворянское «усердие» как ключевой инструмент поддержания монархии во имя «общего блага». Соответственно, дворянское законодательство второй половины XVIII в. было результатом творчества этого слоя, преобразовывавшего дворянство в соответствии со своими предпочтениями и идеями.

Казалось бы, такой вывод приближает нас к первой позиции в историографических дебатах, обозначенных в начале настоящей статьи, — к позиции М. Раеффа, отводящей государству ведущую роль. Однако мы ни в коем случае не разделяем ни взгляда на государство как на монолитного актора, ни прямолинейного противопоставления «государства» и «общества». Вместо того чтобы

говорить о «государстве вообще» (как, впрочем, и о «дворянстве вообще»), перспективно говорить о группах элиты, для которых государство выступает пространством сотрудничества или конкуренции.

Риторическая стратегия, прочно связывавшая дворянское «усердие» с процветанием монархии, создала основания для беспрецедентной социальной ангажированности императорской власти, воплотившейся в «дворянском» законодательстве второй половины XVIII в. Разумеется, конкретные административные и политические решения зависели от того, каким образом участники властного процесса понимали и связывали между собой «общее благо», государственный интерес монархии, общественную роль и сословные интересы дворянства, с учетом собственного профессионального опыта, взглядов на вопросы экономики и управления, а также морально-этических воззрений. Однако объединяющим для большинства таких решений на протяжении XVIII–XIX вв. оставалось признание дворянства тем слоем, который вносит наибольший вклад в достижение «общего блага» — истинным «камнем, служащим основанием государству».

№ 28. Мнение Коробьина [Читано 5 мая 1768 г. В Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения от депутата Козловского дворянства на читанные о беглых людях и крестьянах законы примечание] // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 32. СПб., 1881. С. 406–410. [№ 28. Mnenie Korob'ina [Chitano 5 maja 1768 g. V Kommissiju o sochinenii proekta Novogo Ulozhenija ot deputata Kozlovskogo dvorjanstva na chitannye o beglyh ljudjah i krest'janah zakony primechanie] // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 32. SPb., 1881. S. 406–410.]

№ 36. Мнение Гр. Полетики [Говорено 21 августа 1768 года. В Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения мнение на читанный проект правам благородных] // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 36. СПб., 1882. С. 346–356. [№ 36. Mnenie Gr. Poletiki [Govoreno 21 avgusta 1768 goda. V Komissiju o sochinenii proekta Novogo Ulozhenija mnenie na chitannij proekt pravam blagorodnyh] // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 36. SPb., 1882. S. 346–356.]

№ 58. Мнение Шербатова [Читано 22 мая 1768 г.] // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 36. СПб., 1882. С. 486–492. [№ 58. Mnenie Shherbatova [Chitano 22 maja 1768 g.] // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 36. SPb., 1882. S. 486–492.]

№ 60. Мнение Козельского [Читано 23 мая 1768 г. В Комиссию о сочинении Проекта Нового Уложения от депутата Екатеринбургской провинции от шляхетства Якова Козельского примечание] // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 32. СПб., 1881. С. 494–502. [№ 60. Mnenie Kozel'skogo [Chitano 23 maja 1768 g. V Kommissiju o sochinenii Proekta Novogo Ulozhenija ot deputata Ekaterininskoj provincii ot shljahetstva Jakova Kozel'skogo primechanie] // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 32. SPb., 1881. S. 494–502.]

№ 61. Мнение Чупрова [Читано 23 мая 1768 г. В Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения на прочитанный голос господина депутата Трубчевского дворянства Григория Бровцына, мая 21-го, т. е. третьяго дни, примечание] // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 32. СПб., 1881. С. 502–504. [№ 61. Mnenie Chuprova [Chitano 23 maja 1768 g. V Kommissiju o sochinenii proekta Novogo Ulozhenija na pročitannij golos gospodina deputata Trubchevskogo dvorjanstva Grigorija Brovcyna, maja 21-go, t. e. tret'jago dni, primechanie] // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 32. SPb., 1881. S. 502–504.]

№ 63. Мнение Чаадаева [В Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения от депутата Муромского дворянства примечание] // Сборник Императорского Русского исторического

общества. Т. 32. СПб., 1881. С. 508–510. [№ 63. Mnenie Chaadaeva [V Kommissiju o sochinenii proekta Novogo Ulozhenija ot deputata Muromskogo dvorjanstva primechanie] // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. Т. 32. SPb., 1881. S. 508–510.]

№ 64. Мнение Лопухина [Читано 27 мая 1768 г. В Коммиссию о сочинении проекта Нового Уложения примечание] // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 32. СПб., 1881. С. 510–513. [№ 64. Mnenie Lopuhina [Chitano 27 maja 1768 g. V Kommissiju o sochinenii proekta Novogo Ulozhenija primechanie] // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. Т. 32. SPb., 1881. S. 510–513.]

I. Наказ Московского дворянства избранному от оногo, под предводительством генерал-фельдмаршала и кавалера Петра Семеновича Салтыкова, к Комиссии сочинения проекта Нового Уложения, депутату, господину генерал-аншефу и кавалеру Петру Ивановичу Панину // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения / Д. Поленов. Ч. I. СПб., 1869. С. 225–236. [I. Nakaz Moskovskogo dvorjanstva izbrannomu ot onogo, pod predvoditel'stvom general-fel'dmarshala i kavalera Petra Semenovicha Saltykova, k Komissii sochinenija proekta Novogo Ulozhenija, deputatu, gospodinu general-anshefu i kavaleru Petru Ivanovichu Paninu // Istoricheskie svedenija o ekaterininskoj komissii dlja sochinenija proekta novogo Ulozhenija / D. Polenov. Ch. I. SPb., 1869. S. 225–236.]

III. Наказ выбранному от корпуса дворянства Волоколамского уезда в силу высочайшего Ея Императорского Величества соизволения, объявленного в манифесте, состоявшемся минувшего декабря 14-го к сочинению проекта Нового Уложения депутату, его сиятельству господину генерал-аншефу, государственной военной коллегии вице-президенту и кавалеру, графу Захару Григорьевичу Чернышеву // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения / Д. Поленов. Ч. I. СПб., 1869. С. 241–243. [III. Nakaz vybrannomu ot korpusa dvorjanstva Volokolamskogo uezda v silu vysochajshego Eja Imperatorskogo Velichestva soizvolenija, ob"javlennogo v manifeste, sostojavshemsja minuvshogo dekabrja 14-go k sochineniju proekta Novogo Ulozhenija deputatu, ego sijatel'stvu gospodinu general-anshefu, gosudarstvennoj voennoj kollegii vice-prezidentu i kavaleru, grafu Zaharu Grigor'evichu Chernyshevu // Istoricheskie svedenija o ekaterininskoj komissii dlja sochinenija proekta novogo Ulozhenija / D. Polenov. Ch. I. SPb., 1869. S. 241–243.]

X. Наказ купно со всеподданнейшими от Любимского дворянства Ея Императорскому Величеству прошениями отправляющемуся от Любимского уезда выбранному от дворян депутату в Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения, господину секунд-майору Никифору Толмачеву // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения / Д. Поленов. Ч. I. СПб., 1869. С. 295–296. [X. Nakaz kupno so vsepoddannejsimi ot Ljubimskogo dvorjanstva Eja Imperatorskomu Velichestvu proshenijami otpravljajushhemusja ot Ljubimskogo uezda vybrannomu ot dvorjan deputatu v Komissiju o sochinenii proekta Novogo Ulozhenija, gospodinu sekund-majoru Nikiforu Tolmachevu // Istoricheskie svedenija o ekaterininskoj komissii dlja sochinenija proekta novogo Ulozhenija / D. Polenov. Ch. I. SPb., 1869. S. 295–296.]

XI. Наказ Ярославского уезда от благородного дворянства избранному господину депутату в Комиссию о сочинении Нового Уложения, его сиятельству лейб-гвардии капитану князю Михайлу Михайловичу Щербатову // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения / Д. Поленов. Ч. I. СПб., 1869. С. 297–313. [XI. Nakaz Jaroslavskego uezda ot blagorodnogo dvorjanstva izbrannomu gospodinu deputatu v Komissiju o sochinenii Novogo Ulozhenija, ego sijatel'stvu lejbgvardii kapitanu knjazju Mihajlu Mihajlovichu Shherbatovu // Istoricheskie svedenija o ekaterininskoj komissii dlja sochinenija proekta novogo Ulozhenija / D. Polenov. Ch. I. SPb., 1869. S. 297–313.]

XCIV. Наказ Алаторского дворянства // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 68. СПб., 1889. С. 112–118. [XCIV. Nakaz Alatorskogo dvorjanstva // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. Т. 68. SPb., 1889. S. 112–118.]

CIV. Наказ Прилуцкого шляхетства. Челобитье Прилуцкого шляхетства // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 68. СПб., 1889. С. 223–230. [CIV. Nakaz Priluckogo

shljahetstva. Chelobit'e Priluckogo shljahetstva // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 68. SPb., 1889. S. 223–230.]

CVII. Наказ Харьковского дворянства. Челобитье Харьковского дворянства // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 68. СПб., 1889. С. 260–262. [CVII. Nakaz Har'kovskogo dvorjanstva. Chelobit'e Har'kovskogo dvorjanstva // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 68. SPb., 1889. S. 260–262.]

CXLII. Наказ Рылъского дворянства // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 68. СПб., 1889. С. 621–629. [CXLII. Nakaz Ryl'skogo dvorjanstva // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 68. SPb., 1889. S. 621–629.]

CXXII. Наказ Керенского дворянства // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 68. СПб., 1889. С. 436–446. [CXXII. Nakaz Kerenskogo dvorjanstva // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 68. SPb., 1889. S. 436–446.]

CXXX. Наказ Болховского дворянства // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 68. СПб., 1889. С. 492–501. [CXXX. Nakaz Bolhovskogo dvorjanstva // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 68. SPb., 1889. S. 492–501.]

CXXXV. Наказ Трубчевского дворянства // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 68. СПб., 1889. С. 556–562. [CXXXV. Nakaz Trubchevskogo dvorjanstva // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 68. SPb., 1889. S. 556–562.]

Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009. [Antonov D. I. Smuta v kul'ture srednevekovoj Rusi. Jevoljucija drevnerusskikh mifologem v knizhnosti nachala XVII veka. M., 2009.]

Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 22. № 16187. [Gramota na prava, vol'nosti i preimushhestva blagorodnogo Rossijskogo Dvorjanstva // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. SPb., 1830. T. 22. № 16187.]

Качарова В. Б. Я. П. Козельский. Материалы к биографии русского философа // Вече. № 10. 1997. С. 75–120. [Kacharova V. B. Ja. P. Kozel'skij. Materialy k biografii russkogo filosaфа // Veche. № 10. 1997. S. 75–120.]

Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII — первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. Т. 6 (153). С. 18–53. [Kiselev M. A. Forma pravlenija i social'naja ierarhija v rossijskoj politicheskoj mysli XVII — pervoj chetverti XVIII veka // Istoricheskij vestnik. 2013. T. 6 (153). S. 18–53.]

Куломзин А. Н. Первый приступ в царствование Екатерины II к составлению Высочайшей грамоты Российскому Дворянству // Материалы для истории русского дворянства. Вып. 2. СПб., 1885. С. 13–71. [Kulomzin A. N. Pervyj pristup v carstvovanie Ekateriny II k sostavleniju Vysochajshej gramoty Rossijskomu Dvorjanstvu // Materialy dlja istorii russkogo dvorjanstva. Vyp. 2. SPb., 1885. S. 13–71.]

Манифест о даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству. 18 февраля 1762 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 15. № 11444. [Manifest o darovanii vol'nosti i svobody vsemu Rossijskomu Dvorjanstvu. 18 fevralja 1762 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. SPb., 1830. T. 15. № 11444.]

Марасинова Е. Н. Вольность российского дворянства (манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Российская история. 2007. № 4. С. 21–33. [Marasinova E. N. Vol'nost' rossijskogo dvorjanstva (manifest Petra III i soslovnnoe zakonodatel'stvo Ekateriny II) // Rossijskaja istorija. 2007. № 4. С. 21–33.]

Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М., 2008. [Marasinova E. N. Vlast' i lichnost'. Ocherki russkoj istorii XVIII veka. M., 2008.]

Никонова В. М. Требования дворян и проект «Прав благородных» в уложенной комиссии 1767–1768 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. [Nikonova V. M. Trebovanija dvorjan i proekt «Prav blagorodnyh» v ulozhennoj komissii 1767–1768 gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1990.]

Омельченко О. А. Императорское Собрание 1763 г. (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы. М., 2001. [Omel'chenko O. A. Imperatorskoe Sobranie 1763 g. (Komissija o vol'nosti dvorjanskoj): Istoricheskij ocherk. Dokumenty. M., 2001.]

Пайтс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. [Pajps R. Rossija pri starom rezhime. M., 1993.]

Польской С. В. «На разные чины разделяя свой народ...» Законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века // Cahiers du monde russe. 2010. Vol. 51. № 2–3. P. 303–328. [Pol'skoj S. V. «Na raznye chiny razdeljaja svoj narod...» Zakonodatel'noe zakreplenie soslovnogo statusa russkogo dvorjanstva v seredine XVIII veka // Cahiers du monde russe. 2010. Vol. 51. № 2–3. P. 303–328.]

Проект правам благородных, сочиненный комиссиею о государственных родах и подписанный членами оной // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 32. СПб., 1881. С. 573–585. [Proekt pravam blagorodnyh, sochinennyj komissieju o gosudarstvennyh rodah i podpisannyj chlenami onoj // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 32. SPb., 1881. S. 573–585.]

Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. [Tatishhev V. N. Izbrannye trudy po geografii Rossii. M., 1950.]

Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. [Tatishhev V. N. Istorija Rossijskaja. T. 1. M.; L., 1962.]

Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / с предисл. С. А. Белокурова. М., 1906. [Utverzhdannaja gramota ob izbrazanii na Moskovskoe gosudarstvo Mihaila Fedorovicha Romanova / s predisl. S. A. Belokurova. M., 1906.]

Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. [Faizova I. V. «Manifest o vol'nosti» i sluzhba dvorjanstva v XVIII stoletii. M., 1999.]

Феофан Прокопович. Слова и речи поучительныя, похвалныя и поздравительныя. Ч. 3. СПб., 1765. [Feofan Prokopovich. Slova i rechi pouchitel'nyja, pohvalnyja i pozdravitelnyja. Ch. 3. SPb., 1765.]

Феофан Прокопович. Соч. М.; Л., 1961. [Feofan Prokopovich. Soch. M.; L., 1961.]

Gromelski T. The Commonwealth and monarchiamixta in Polish and English Political Thought in the Later Sixteenth Century // Britain and Poland-Lithuania, Contact and Comparison from the Middle Ages to 1795. Vancouver, 2008. P. 167–181.

Koenigsberger H. Republicanism, Monarchism and Liberty // Royal and Republican Sovereignty in Early Modern Europe. Cambridge, 1997. P. 43–74.

Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, 1979.

Raeff M. Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. Boulder; London, 1994.

Статья поступила в редакцию 23.08.2015 г.